

*Зарабатывайте деньги:
получайте их честно и затем
отдавайте с умом.*

Слова баптистского
проповедника, записанные
Джоном Д. Рокфеллером
в записную книжку

Глава первая
ДЖОН Д. И ЕГО БРАТЯ

Я считаю, что способность делать деньги — Божий дар, точно так же, как задатки к искусству, музыке, литературе, талант врача, сиделки или ваши дарования, и его следует развивать и использовать, как только возможно, для блага человечества. Будучи наделён даром, которым я обладаю, я считаю, что мой долг — делать деньги и ещё больше денег и использовать деньги, которые я делаю, для блага моего ближнего, как повелевает мне совесть.

Джон Д. Рокфеллер

Превратности любви

Волы идут медленно, склонив головы к пыльной дороге и роняя на неё тягучую слюну. Младшие дети трясутся в повозке под полотняным тентом, тяжело нагруженной домашним скарбом, а взрослые идут пешком, по очереди подсаживаясь в фургон, когда совсем устанут. Часто лес подступает к дороге настолько близко, что деревья сплетают над ней свои ветви, образуя тёмно-зелёный свод, а повозка, скрипя осями, переползает через толстые корни, похожие на искривлённые артритом пальцы. Говорят, здесь водятся олени, пумы и медведи. Днём, во время остановок, мужчины уходят на охоту и возвращаются с подстреленным зайцем или дикой индейкой. По ночам кто-то постоянно должен поддерживать костёр: пару раз волчий вой раздавался слишком уж близко.

Через две недели вышли к посёлку. Ричфорд, бывшая почтовая станция на дороге из Олбани в Катскилл, с 1821 года именовался городом, обзавёлся своей площадью, на которой стояли единственная церковь и школа, и даже промышленностью: лесопилкой, мельницей и винокуренным заводом. Теперь оставалось пройти три с половиной мили, взбираясь на почти отвесный холм. Волы выбивались из сил, оскальзываясь на разбитой каменистой дороге, и

только вздрагивали под ударами кнута. Потеряв терпение, Годфри Рокфеллер выбрался из фургона и пошёл пешком. Тяжело дыша, в мокрой от пота рубашке, он стоял на вершине холма и оглядывал свои новые владения: 60 акров* не-возделанной земли. Яркая зелень травы, сквозь которую проглядывали капельки диких цветов и ягод, переходила в тёмную бронзу сосен, дубов и клёнов. «Видно, ближе к Мичигану нам не подобраться», — вздохнул глава семьи и нарёк холм Мичиганским.

На холме стоял маленький одноэтажный дом из распиленных вручную брёвен и досок: 22 фута** в длину и 16 футов в ширину. Люси нахмурилась: как здесь всем разместиться? Прежнее жилище было гораздо просторнее, её муженька опять провели. Но делать нечего, надо как-то устраиваться.

Зачем она вышла замуж за Годфри? Сейчас уже трудно вспомнить; наверное, по любви. Нелюбимому мужчине она вряд ли родила бы десятерых детей. Когда они поженились в 1806 году в Грейт-Баррингтоне, штат Массачусетс, вся её семья была против. Рокфеллеры — неровня Эвери. Взять хотя бы их родословную. Они из немцев; около 1723 года мельник Иоганн Петер Рокфеллер*** приехал с женой и пятью детьми в Филадельфию, сделался фермером в Сомервилле (Нью-Джерси), а десять лет спустя его кузен Дилл явился в Джермантаун. Внук Иоганна Уильям женился на внучке Дилла Кристине, и у них родился Годфри. Вот и вся история. А предки Люси Эвери приехали из Девона в Салем (Массачусетс) вслед за отцами-пилигримами, около 1630 года; из этого рода вышли проповедники и солдаты, городские магистраты и купцы, первопроходцы и отважные воины, сражавшиеся с индейцами. Если спуститься по их генеалогическому древу к самым корням, то там окажется английский король Эдмунд Железнобокий, правивший в 1016 году целых шесть месяцев, герцог Йоркский и Мэри Болейн (сестра королевы Анны, супруги Генриха VIII), но это совершенно не важно, потому что 11 членов семьи Эвери пали смертью храбрых в сражении с британцами на Гротонских высотах 6 сентября 1781 года, приблизив обрете-

* Акр — единица площади в ряде стран, использующих английскую систему мер; равен 0,405 гектара.

** Фут — единица длины в английской системе мер; равен 0,3048 метра.

*** Впоследствии внук Годфри, Джон Д. Рокфеллер, поставит надгробный памятник на могиле Иоганна Петера во Флемингтоне, штат Нью-Джерси.

ние Независимости. Да бог с ней, с родословной; вы только взгляните на них: разве они пара? Годфри — низенький, придурковатый на вид, весёлый и разбитной, но ленивый и любит приложиться к бутылке. Люси — высокая, крепкая, уверенная в себе, к тому же образованная: до замужества была школьной учительницей... И вот они уже почти три десятка лет вместе, и Люси переезжает с Годфри из одного штата в другой после краха его очередного предприятия, таская за собой детей.

Упрёками делу не поможешь. Люси собственноручно сложила каменную ограду вокруг фермы, выкорчевала пни, а однажды ночью поймала в амбаре вора. Правда, тому удалось убежать, но Люси вырвала кусок ткани из его рукава. По этому клочку она опознала злоумышленника и разобралась с ним сама, без помощи шерифа.

Где-то через год после приезда новых соседей в Ричфорде появился высокий франтоватый детина с рыжей бородой на загорелом лобастом лице и с табличкой на груди: «Я глухонемой». На этой же табличке он нацарапал вопрос, с которым обращался к прохожим: «Где дом Годфри Рокфеллера?» Впрочем, парня быстро раскусили: никакой он не глухонемой. Вновь обретя дар речи, он назвался «Рокафеллоу», но и это не помогло. Вскоре уже все знали, что это третий сын Годфри и Люси, Уильям, родившийся в 1810 году, когда они ещё жили в Грейнджере, штат Нью-Йорк. Фермером он не стал, мерил дороги, торгуя всякими дешёвыми безделушками, притворяясь глухонемым и выведывая чужие секреты — а вдруг пригодятся. Понятно, что при такой жизни ему не раз приходилось уносить ноги от желающих с ним поквитаться, вот они и привели его обратно к родителям. В полумиле от отцовского дома, на безлесном склоне, Билл выстроил свой — из плотно подогнанных досок с местной лесопилки, похожий на два составленных вместе вагона. В доме были две спальни (каждая размером 8 × 10 футов) и гостиная, а наверху чердак, где тоже можно спать, и антресоли. Пристройка служила амбаром и дровяным сараем, над крыльцом приладили небольшой навес. Земельный участок занимал 50 акров; рядом с домом рос яблоневый сад, а у подножия холма тек ручей, где водилась форель. Такому дому нужна хозяйка.

Нэнси Браун из Харфорд-Миллз была поразительно красива. Билл сразу влюбился в неё. Она жила у него как экономка, но все ожидали, что она скоро станет его женой. Вот только Нэнси была бесприданница, а во время своих

прежних скитаний Билл как-то забрёл за 30 миль к северо-западу от Ричфорда, неподалёку от Моравии, и увидел там девушку — стройную, рыженькую, с голубыми глазами, явно ирландских кровей. «Если бы он не был глухонемым, я бы вышла за него замуж», — сказала она подружке. Такая простодушная! Билл навёл справки: её отец Джон Дэвисон считался богачом, ему принадлежали 150 акров земли в округе Каюга, он даже давал деньги в долг! Глухонемой неожиданно излечился. Влюбить в себя Элизу Дэвисон не составило труда. Её мать скончалась, когда девочке было 12 лет (проглотила пилюлю, которую ей продал бродячий знахарь, и упала замертво), а присматривавшая за Элизой старшая сестра Мэри Энн не пользовалась родительским авторитетом. Впрочем, даже строгий отец, решительно воспротивившийся неравному браку, не смог отговорить дочь от необдуманного шага: 18 февраля 1837 года она вышла замуж за Билла в доме одной из своих подруг. Ему было 27 лет, ей — 24.

Все её иллюзии разбились о порог нового дома, на котором новобрачных встретила экономка. В 1838 году Элиза родила первенца — дочь Люси, а несколько месяцев спустя Нэнси разрешилась от бремени дочерью Клориндой. 8 июля 1839-го Элиза произвела на свет сына и назвала его Джоном Дэвисоном в честь своего отца (о, если бы она тогда его послушала!), а Нэнси через несколько месяцев родила ещё одну дочь, Корнелию. Братья Элизы явились в Ричфорд потолковать с Биллом «по-мужски». Но брак втроём так бы и продолжался (Элиза по-прежнему любила мужа и жалела бедную Нэнси), если бы у красавицы-экономки не испортился характер. После очередной ссоры с любовницей Большой Билл (так Рокфеллера прозвали за высокий рост) велел ей забирать детей и отправляться к родителям. Правда, ночью он тайно прокрался к её дому и положил на крыльцо тюк с одеждой. Возможно, он и загубил Нэнси лучшие годы, однако жизнь не поломал: довольно скоро она вышла замуж за некоего Берлингейма, родила ему других детей, а старшим дочерям дала приличное воспитание. Правда, Клоринда умерла молодой, зато Корнелия выросла, стала школьной учительницей, а потом вышла замуж за местного уроженца по фамилии Секстон. Она была высокой, смышлёной, внешне — просто портрет отца...

А Большой Билл, который после женитьбы пробовал остепениться (завёл небольшую лесопилку на Мичиганском холме, торговал солью, пушниной, лошадьми,

стройматериалами), принялся за старое: уходил из дома под покровом ночи и возвращался тоже тайком, несколько недель, а то и месяцев спустя: бросал камешки в окно, предупреждая жену о своём приходе. Чем он занимался? Он был метким стрелком, участвовал в состязаниях и получал призы. А ещё торговал галантереей и всякой мелочовкой, умудряясь впаривать покупателям дешёвку с большой наценкой. Впрочем, главным его товаром были разные снадобья. Его мать Люси умела лечить травами от всех болезней; в садике рядом с её домом рос «лечебный куст», настои из листьев и корней которого Большой Билл продавал под видом эликсиров, а тёмно-красные ягодки, похожие на пилюли, шли как лекарство «от живота». Чтобы его не принимали за шарлатана, Билл всегда строго спрашивал у каждой покупательницы, фермерской жены, не находится ли она в «интересном положении», поскольку эти «пилюли» способны вызвать выкидыш. Бывало, что он торговал и патентованными лекарствами, приобретёнными у аптекарей, но «народная медицина» пользовалась бóльшим спросом.

Перед тем как в очередной раз скрыться из дома, Билл договаривался о кредите в местной лавке. «Отпускайте моей семье любой товар, какой понадобится, а я всё оплачу, когда вернусь», — говорил он лавочнику Чонси Ричу, отец которого, Эзикиел, основал Ричфорд. Но когда он вернётся? Элиза всегда боялась, что ей откажутся давать товары в долг, если она будет брать слишком много, а потому старалась обойтись самым необходимым, жила с детьми впроголодь и ходила в латаной одежде. А потом вдруг являлся Билл — на новых лошадях, в отличном костюме и с толстой пачкой банкнот. Первым делом шёл в лавку и расплачивался с Ричем, а потом дарил жене и детям подарки, созывал гостей, шутил, смеялся (но не пил, в отличие от отца и братьев). Разве можно было не любить такого мужа? Как-то вечером, в очередной раз оставшись одна, Элиза мечтательно смотрела на полную луну. «Может быть, Уильям, который сейчас во многих милях отсюда, тоже смотрит на неё? — со вздохом сказала она кухне. — Я так на это надеюсь!»

Но пока Билла не было, ей одной приходилось вести большое хозяйство и заниматься фермой. Однажды отсутствие мужа настолько затянулось, что счёт у Чонси Рича перевалил за тысячу долларов. И тут молва принесла весть: Билла арестовали. Его необычная жизнь порождала столько слухов, что местные обитатели прозвали его Дьявол Билл. Откуда он берёт столько денег? Говорили, что он шулер,

конокрад, разбойник. У Элизы сердце захолонуло. Но не прошло и дня, как Билл явился в новой повозке, правя великолепною парой лошадей, сверкая бриллиантовой булавкой в галстук, и оплатил счёт в лавке крупными купюрами. А вечером угощал родню и гостей красочными рассказами о своих приключениях на Западе и сражениях с индейцами. «Вот трепло», — думали соседи, качая головами, но вслух ничего не говорили: им было жалко Элизу, которая бьётся как рыба об лёд и при этом ведёт себя достойно, не позволяя себе ни слова упрёка.

Да, она любила мужа. 31 мая 1841 года у них родился сын, которого назвали в честь отца Уильямом. Но Элиза всё чаще задумывалась, что станет с её детьми в окружении таких родственников. После ухода Нэнси Билл нанял в помощь жене новую служанку — Эллу Брасси, но его младший брат Майлз Эвери Рокфеллер сбежал с ней, бросив жену, в Южную Дакоту. Там он под фамилией Эвери женился на Элле. Другой брат, Джейкоб, хранил верность своей второй половине (эта добрая женщина часто присматривала за маленькими Люси и Джонни, штопала им одежду и вязала варежки из домашней шерсти), но тоже не был примером для подражания: сквернослов и пьяница. Однажды он выиграл пять долларов: побился об заклад, что не будет пить... на всём пути от своего дома до города! Свекровь, конечно, была уважаемая женщина, но вечно пьяный свёкор... Да и сам этот паршивый городишко с одной-единственной церковью, и заболоченная земля, на которой ничего не растёт... Нет, нужно отсюда уезжать! В 1843 году Билл купил за тысячу долларов участок земли в 92 акра, полого спускавшийся к Оваско — самому живописному из озёр Фингер. Но самое главное — они будут жить в Моравии, всего в трёх милях от фермы Джона Дэвисона. Возможно, он простит заблудшую дочь, когда увидит внуков...

«Я ясно помню ручей, который тёк неподалёку от дома, и как я должен был быть осторожен и держаться подальше от него. Смутно припоминаю мою мать в Ричфорде и мою бабушку, которая жила в полумиле выше по холму», — поделится Джон Д. Рокфеллер воспоминаниями детства 70 лет спустя. Родной дом он покинул без сожалений: «Я с содроганием думаю о том, что бы со мной стало, если бы я провёл в Ричфорде всю жизнь».

Моравия тоже совсем недавно получила статус города, но здесь вдоль тенистых улиц стояли каркасные дома

с широкими верандами, имелись гостиница, универсальный магазин, хлопкопрядильная фабрика и конгрегационалистская церковь. Рокфеллеры поселились в северном сельском пригороде. Билл надстроил дом, стоявший на участке, и теперь в нём было восемь комнат, откуда, особенно со второго этажа, открывались чудесные виды: ярко-голубое озеро на фоне лесистых холмов дальнего берега в раме из высоких сосен. Через дорогу — сарай и амбар, за домом — коптильня. В 1843 году Элиза родила вторую дочь, назвав её Мэри Энн. Правда, почти на всём протяжении беременности Билла опять не было дома.

Местные жители не могли взять в толк, что он за человек. С одной стороны — солидный зажиточный мужчина, а с другой — летун, перекасти-поле. Он организовал лесоповал (на вполне законных основаниях): до зари, вооружившись фонарями, выходил со своей бригадой рубить стройные корабельные сосны, которые потом сволакивали к озеру и сплавляли в Обёрн. Рабочим Билл платил хорошо и быстро, однако нанимал их ненадолго, мог рассчитать, а через несколько дней взять снова — и думал, что поступает умно: никто не будет лениться, зная, что в следующий раз работу ему могут не предложить. Билл помог найти место для городской школы: проехал на своих дрожках через весь город, подсчитывая число оборотов колеса, а потом указал, где будет ровно середина. Он же уговорил местных налогоплательщиков скинуться на школу, когда многие ещё считали по старинке, что детей следует обучать дома. Рокфеллер запустил в озеро Оваско мальков щуки и даже возглавил местное общество трезвости. «Вот такой он был человек: пока соседи только начинали что-то обсуждать, он уже делал», — с гордостью вспоминал старший сын. Но запала хватало ненадолго, и Билл снова исчезал. Да и фермерской работой он никогда не занимался, это было ниже его достоинства. Он нанял Хирама Оделла, рабочего с железной дороги, помогать по хозяйству его жене. 8 августа 1845 года Элиза родила двойню. (Билл воспользовался этим, чтобы наладить отношения с тестем, жившим на другом берегу озера. Видно, он пустил в ход всё своё обаяние, раз Джон Дэвисон ссудил ему тысячу долларов.) Фрэнк родился здоровеньким, а вот его сестра Фрэнсис часто хворала. Местного врача к ней вызывали около семидесяти раз! Но это не помогло — малышка скончалась, не прожив и двух лет. Мать отправила семилетнего Джона собирать камни, чтобы он не видел, как хоронят сестрёнку.

Джон был смышлёным и обладал развитым воображением, потому-то мать и старалась оградить его от лишних переживаний — но не от работы. Она натянула бечёвку, разделив сад пополам, и сказала старшим сыновьям: «Джон, ты будешь заботиться об этой стороне сада, а эта сторона — твоя, Уилл». И они сажали рассаду, пололи грядки. За работу им платили; свои монетки (медные, серебряные, а то и золотые) Джон складывал в синюю фарфоровую баночку на каминной доске. Покупая фунт конфет в лавке, он делил их на небольшие порции и продавал сёстрам и братьям в розницу, получая небольшую прибыль. Но первую крупную торговую операцию он провернул в семь лет: выследил дикую индейку, нашёл её гнездо в лесу, забрал птенцов, выкормил их и продал. Мать поощряла его в этом предприятии: давала створоженное молоко для индюшат. На следующий год Джон вырастил ещё больший индюшачий выводок.

Дети спали на втором этаже, в комнате, согреваемой печной трубой, поднимавшейся из кухни. Зимой, когда снаружи бушевала вьюга, завывая в вершинах сосен, снег набивался в щели. Утром, ещё до зари, детей будили стук топора (во дворе рубили дрова) и скрип полозьев по снегу. Мать звала снизу: «Джон, сынок, пора вставать и доить корову!» В тёмном холодном хлеву Джон, чтобы погреть ноги, становился на то место, с которого только что поднялась корова...

Шёл 1846 год. Началась война с Мексикой из-за прошлогодней аннексии Техаса (в Моравии, вотчине либералов, её осуждали, а конгрессмен Авраам Линкольн назвал её бессмысленной и жестокой), и США завладели Калифорнией; Роял Эрл Хаус запатентовал печатающий телеграф, способный передавать 40 слов в минуту; заработала Пенсильванская железная дорога... Но всё это было где-то далеко, точно в другом мире. Семилетний Джон Рокфеллер 30 недель в году посещал школу, построенную его отцом и состоявшую из единственного класса. Если ученики начинали шуметь, учитель заносил над их головами линейку и запросто мог пустить её в ход. Джон не был бузотёром, но не был и блестящим учеником; он словно всё время о чём-то думал. Его малограмотная мать, сама писавшая с ошибками и пренебрегавшая знаками препинания, порола сына за нерадивость берёзовой хворостиной. Однажды, когда она принялась его наказывать за дурное поведение в школе, Джон стал уверять, что на него возводят напраслину, а

он ни в чём не виноват. «Не важно, — ответила непреклонная мать, — я уже начала порку и доведу её до конца; это послужит тебе уроком на будущее». Наказывая, она всегда приговаривала: «Я это делаю любя».

Широколицые и лобастые Уильям и Фрэнк пошли в отца, Джон был очень похож на мать: узкое лицо, пронзительный взгляд серо-голубых глаз, острый подбородок. Сходство было не только внешнее: он был так же терпелив и вынослив, никогда не выходил из себя, не повышал голоса, никого не оскорблял и не принимал скоропалительных решений. Мать приучила его к бережливости, трудолюбию и порядку. В чрезвычайных же обстоятельствах Элиза не пугалась и умела найти единственно правильный выход. Однажды ночью, когда в доме не было никого из мужчин, она услышала, как в заднюю дверь лезут воры. Она тотчас распахнула окно и запела какую-то старую негритянскую песню, чтобы непрошеные гости подумали, что в доме есть слуги. Они и в самом деле не решились войти, украли только упряжь из каретного сарая, спустились к озеру, сели в лодку и были таковы.

Билла дети просто обожали. Чей ещё отец сможет перепрыгнуть через забор спиной вперёд, говорить на несколько голосов, не разжимая губ, выиграть на ярмарке медвежонка и обучить его разным трюкам? А ещё у него были способности гипнотизёра — он мог «напустить туману» и на человека, и на зверя. Дома хранились ружья, которые он любовно разбирал, чистил и смазывал; одно — с оптическим прицелом, хотя у Билла был такой зоркий глаз, что он мог подстрелить жаворонка в небе. Однажды он собрал вокруг себя толпу (уж это-то он умел как никто), установил чучело с глиняной трубкой во рту, отошёл на 200 шагов, выстрелил и попал в трубку, а потом предложил десять долларов любому, кто это повторит, но никто не смог. Когда Билл возвращался из своих странствий, дом сразу наполнялся шумом, смехом, пением, музыкой. Однажды он узнал, что в городскую тюрьму посадили за пьянство скрипача-виртуоза: тот должен был или заплатить 100 долларов, или отсидеть 100 дней за решёткой. Сотни долларов Биллу было жалко, он выждал 35 дней, а потом выкупил музыканта за 65 долларов, забрав взамен его скрипку. Старших сыновей он брал на озеро ловить рыбу. Однажды, когда они сидели в лодке, Уильям пожаловался на жару. «Так остудись!» — воскликнул отец и сбросил малыша в воду. Тот сразу пошёл ко дну; Билл нырнул за ним, вытащил и попытался научить

плавать. Надо предвидеть последствия своих слов и уметь позаботиться о себе, сделал вывод Джон. У него с отцом была своя любимая игра: мальчик забирался на высокое кресло и прыгал оттуда, а Билл подхватывал его на руки. Однажды он опустил руки, и Джон грохнулся на пол. «Запомни, сынок: полностью доверять нельзя никому, даже мне».

По воскресеньям ходили в церковь; даже Дьявол Билл не пропускал воскресную службу, знал много гимнов наизусть, а Джону посулил пять долларов, если тот прочтёт Библию от корки до корки. Отец учил его добывать деньги, мать — копить их, а проповедник в церкви — отдавать нуждающимся. Себя Рокфеллеры бедняками не считали: им было во что одеться, и их не мучил голод.

Церковь, приверженцами которой они стали, была баптистской. В мае 1845 года по вопросу о рабстве она раскололась на Южную (включавшую девять штатов) и Северную баптистские конвенции. В представлении баптистов с Севера движение за отмену рабства — аболиционизм — согласовалось с их противостоянием церковной иерархии и в целом с их деятельностью, направленной на очищение общества от греха. Грехом считались курение (Билл однажды здорово отругал Джона и Уильяма, застукав их курящими в амбаре), пьянство, а также изготовление и продажа спиртного, танцы, игра в карты и на бильярде, посещение театров, торговля в воскресенье. Зато любовь к деньгам грешной не была. А Большой Билл любил деньги почти чувственной любовью.

«У него были деньги, целая куча, — вспоминал позже один сосед. — Он держал их в ящике стола. Я видел их — банкноты в один доллар, два, три доллара (тогда такие были), пять, десять, двадцать и пятьдесят, все перевязанные, как дрова, и стянутые шпагатом в пачки, которыми был заполнен ящик». Говорили даже, что у него есть ведро на четыре галлона*, наполненное золотыми монетами (но это вряд ли, разве что посыпано сверху). Уезжая куда-нибудь, Билл всегда держал в кармане тысячу долларов: он мог за себя постоять и не боялся возить с собой такие деньги, а эта пачка согревала ему душу.

Когда Джону было восемь или девять лет, отец стал приучать его к делам. Мальчику поручили выбирать и покупать дрова, чтобы поленья были буковые или кленовые,

* Галлон — единица объёма жидкостей и сыпучих продуктов в английской системе мер; американский галлон равен 3,79 литра.

без гнили и сучков, причём надо было упорно торговаться. Все свои расходы полагалось тщательно записывать, ведь система кредита в магазине сохранялась. Возвращаясь из отлучек, Билл сразу платил по долгам: уговор дороже денег, а что написано пером, того не вырубишь топором. Договоры же теперь под его диктовку писал старший сын твёрдым чётким почерком.

Но Дьявол Билл не остепенился. 26 июля 1849 года суд в Обёрне вынес Уильяму Эвери Рокфеллеру обвинительный приговор по делу об изнасиловании Анны Вандербик — молодой красивой девушки, помогавшей Элизе по хозяйству. Однако в документах значилось, что преступление было совершено больше года назад, 1 мая 1848-го, а Билла не арестовали, суд вынес решение в его отсутствие, и прокурор обвинительное заключение не подписал. По Моравии поползли сплетни, одна невероятнее другой. Реальность же была прозаичнее: когда Биллу предъявили обвинения, он попросил тестя внести за него залог. «Я слишком стар, чтобы выкупать кого бы то ни было», — ответил Дэвисон. Билл сообщил, что тогда ему придётся уехать из округа (в те времена наказание за подобные преступления часто сводилось к изгнанию) и Элиза больше никогда не увидит его, а её отец — свои денежки, которые ссудил ему три года назад. Дэвисон сразу явился в суд и подал жалобу на зятя, который хочет сбежать, обманув своих кредиторов; к тому времени на ссуду набежали проценты, и Билл был ему должен уже 1210 долларов 75 центов. Элиза была готова провалиться сквозь землю, когда к ней домой явился шериф с двумя соседями-понятыми и описал всё её движимое имущество, которое теперь поступало в распоряжение Джона Дэвисона. Испуганные дети ничего не понимали, кроме того, что случилось что-то плохое и стыдное, а их дед переписал завещание — передавал долю наследства Элизы в руки распорядителей, чтобы уберечь свои денежки от загибающих лап зятя.

Зять же тем временем снова пропал. Поползли слухи о банде конокрадов «старины Билла». В 1850 году два его закадычных дружка Калед Палмер и Чарлз Тидд, а также некий Бейтс были арестованы за кражу кобылиц. Имя Рокфеллера на суде не называли, но все в Моравии были уверены, что именно он был главарём, просто он слишком умён, чтобы попасться. Весной Дьявол Билл вернулся, забрал семью и перевёз её в Овего, в округе Тайога, поближе к границе с Пенсильванией.

Когда-то здесь жили индейцы-ирокезы, и на их языке «Авага» означает «Там, где долина расширяется». Город расположился в красивой излучине реки Саскуэханны, впадающей в Атлантический океан. Дома здесь выглядели богаче, чем в Моравии; в центре находились внушительное здание суда, библиотека, довольно известная школа, а среди 7200 жителей было много писателей и художников. Более того, в Овего имелась железнодорожная станция! (1 июня 1849 года туда пришла железная дорога «Эри», и всё население высыпало встречать первый поезд под звон колоколов и пушечную пальбу.) Но даже не это больше всего поразило детей: на вокзале они однажды увидели живого француза. С усами! (Большой Билл носил бороду, но сбрасывал растительность над верхней губой.)

Рокфеллеры опять поселились за городом — на красивом лугу с купадами деревьев, глядящимися в тёмное зеркало ручья. Из первого дома они довольно быстро переехали в другой, поменьше, но с прекрасным видом на илистую Саскуэханну на фоне тающих в туманной дымке далёких голубых холмов. У Джона теперь была одна кровать на двоих с Уильямом; зато это был их дом, соседи — милые приветливые люди, никто не показывал на них пальцем и не перешёптывался у них за спиной. И потом, их отца привели сюда дела: полгода назад в Овего разразился большой пожар, уничтоживший 104 дома; теперь стройматериалы нарахват, и новая лесопилка будет прибыльной. А ещё тут любят докторов и не смотрят на дипломы. Наконец-то папа не будет надолго уезжать из дома!

Как бы не так: отлучки Большого Билла стали ещё более странными и непредсказуемыми. Элиза уже смирилась и терпеливо несла свой крест. Ей как-никак уже 37 лет, наивная рыжеволосая девушка осталась в прошлом. К соседям с визитами приезжала милая, воспитанная, благопристойная дама в платье из чёрного шёлка, похожем на вдовье. Теперь, когда её разряженный супруг соизволял заявиться домой, ему приходилось подчиняться правилам, установленным ею. Не в силах удержать при себе мужа, она твёрдой рукой руководила детьми; никто не смел ослушаться матери, иначе наказания не миновать. Однажды Элиза была больна и лежала в постели, но, узнав, что Джон не сделал то, о чём она его просила, послала его к реке за ивовым прутом. Даже Джон не мог полностью подавить в себе подростковые бунтарские наклонности: чтобы прут поскорее сломался, он сделал на нём несколько насечек

карманным ножом. Но старания оказались напрасными: мать послала его за другим прутом, предупредив, чтобы выбирал получше.

Зимой Саскуэханна покрывалась льдом, соблазнительно сверкавшим на солнце; но мать запрещала сыновьям кататься на коньках по реке. Однажды ночью, когда полная луна заглядывала в окна, прогоняя сон, Джон и Уильям ослушались запрета. Наслаждаясь скоротечным счастьем от быстрого движения, общей тайны и щекочущего ощущения собственного непослушания, они вдруг услышали крики: ещё один сорванец, вышедший кататься, провалился под лёд. Братья нашли длинную жердь, подползли к полынье и вытащили паренька из воды. Когда они вернулись домой и всё рассказали матери, та похвалила их за смелость — и устроила хорошую порку.

Каждую зиму местные баптисты прорубали купели во льду, покрывавшем Саскуэханну, и крестили в них исправившихся грешников. По воскресеньям соседи заходили за Элизой с детьми и все вместе шли в церковь. В воскресной школе детей учили прощению; вечером, перед тем как лечь в постель, маленькие Рокфеллеры спрашивали друг друга: «Прощаешь ли ты меня за всё, что я сделал(а) тебе сегодня?» — и, очистив душу от обиды или гнева, спокойно засыпали.

В отсутствие матери за младшими присматривал Джон, в свои 11 лет фактически заменивший им отца. Когда он не ходил в школу, то колол дрова, доил корову, таскал воду из колодца, полол грядки, ходил за покупками. Однажды он три дня копал картошку у местного фермера за 37,5 цента в день. Вскоре после этого к Рокфеллерам зашёл другой сосед в надежде одолжить денег — ему срочно требовались 50 долларов. Джон опустошил свою копилку и выдал ему деньги мелочью, под семь процентов. В конце года сосед вернул долг — 53 доллара 50 центов. Три с половиной доллара за так, не ударив пальцем о палец! Мальчик был поражён. Тогда он и решил, что нельзя всю жизнь работать ради денег — напротив, надо заставить деньги работать на себя. Что-то в нём изменилось в тот день, что именно — трудно сказать, но соседи теперь предпочитали обращаться за помощью к Уильяму: тот сразу брался за работу, засучив рукава, и не задавал лишних вопросов, тогда как Джон пытался мысленно разложить задачу на составные части и найти способ выполнить её с наименьшими затратами. Гуляя однажды с приятелем по берегу Саскуэханны, он ска-

зал: «Когда-нибудь, когда вырасту, я буду стоять сто тысяч долларов».

Америку тогда обуяла «золотая лихорадка»: орды желающих быстро разбогатеть пробирались пешком или в дилижансах через всю страну, морем через Южную Америку и Панамский перешеек в Калифорнию, где в 1848 году нашли золото. Большинство из них ждало разочарование, но редкие истории успеха мгновенно разлетались на тысячи миль и раздували робкую искру надежды в бушующее пламя безумной веры. Люди вновь поклонялись золотому тельцу, низринув идеалы «отцов-основателей».

Большого Билла Калифорния не интересовала. У него была своя «золотая жила» — доверчивые фермеры из Тайоги и в особенности их жёны и дочери, которым он представлялся как «доктор Уильям Левингстон» (слегка переименовав название округа Ливингстон в штате Нью-Йорк, где родился его отец). Высокий (1,83 метра) статный мужчина в летах внушал доверие, тем более что носил хороший костюм и шёлковый цилиндр. А его дети бегали в школу с книжками, которые купил им добросердечный сосед.

В августе 1852 года Джон и Уильям поступили в Академию Овего, основанную в 1827 году и считавшуюся лучшим средним учебным заведением в этой части штата Нью-Йорк. Трёхэтажное кирпичное здание школы, увенчанное высокой башенкой и обнесённое оградой, произвело на сельских детей сильное впечатление. Плата за обучение составляла три доллара за семестр. Большинство из 350 учеников были городскими, и братья Рокфеллеры в их обществе побеседовали, хотя и не могли ещё с ними равняться. Однажды директор пригласил фотографа, чтобы сделать групповой снимок, и Джона с Уильямом отвели в сторонку — очень уж потрёпанной была их одежда. Но они не обиделись, тем более что им выдали дагеротип с изображением их товарищей — на память. Их главной целью сейчас было слиться с общей массой, ни в коем случае не выделяться из неё.

На пансион денег не было, поэтому каждое утро мальчики проделывали путь в три мили* до школы, мимо красивых внушительных домов с ухоженными лужайками, выстроившихся вдоль Саскуэханны. В тёплую погоду они шли босиком, погружая ноги в прохладную пыль. Если повезёт, можно было часть пути проехать на попутной телеге, лишь бы возчик попался добродушный.

* Британская и американская миля равна 1609,34 метра.

Директор-шотландец, доктор Уильям Смит, каждые две недели задавал ученикам тему для сочинения или выступления, чтобы они учились внятно излагать свои мысли и избавлялись от косноязычия, а по субботам демонстрировал им технические новинки: телеграф, гальванические элементы и прочие вещи, которым суждено было в корне изменить повседневную жизнь. Делать уроки дома, где было тесно и шумно, не получалось, и Элиза отводила мальчиков к соседке, Сьюзен Ла Монте, которой ещё не исполнилось и двадцати, чтобы та присмотрела за ними и помогла справиться с заданием. Непоседы Уильям и Фрэнк пихали и дразнили друг друга, но Джон, выглядевший старше своих лет, занимался усердно и прилежно. Он решил учиться ещё и музыке. Каким-то образом Рокфеллерам удалось раздобыть пианино (атрибут жизни среднего класса), и Джон играл на нём по шесть часов в день, доводя мать до грани нервного срыва.

Уже тогда он держал себя как взрослый, но вовсе не был занудой или педантом; невозмутимое выражение лица только усиливало эффект от его шуток. Однажды во время воскресного пикника, проходя мимо заваленной едой скатерти, вокруг которой уселись юные леди, Джон назидательно сказал: «Помните, девушки: будете есть медленно — съедите больше». Его тянуло к девочкам; он всегда провожал взглядом краснощёкую голубоглазую Фрир, когда та шла в школу мимо дома Сьюзен, но старался держать себя в руках: теперь он был уже большой, многое понимал и больше всего на свете боялся, что о нём станут говорить: «Весь в отца».

Тот, кстати, снова сорвал семью с обжитого места, посадил в поезд и отвёз в Стронгсвилл в штате Огайо, в дюжине миль к юго-западу от Кливленда. Улицы этого городка, основанного поселенцами в конце XVIII века, носили имена первых землевладельцев: Хоу, Дрейка, Уитни... Через усадьбу Алансона Помероя проходила «подземная железная дорога» — тайный путь, по которому беглых рабов из южных штатов переправляли в Канаду. Этим путём воспользовались героини романа «Хижина дяди Тома» — мулаты Элиза, Джордж и их сын Гарри; он начинался с реки Огайо, отделявшей рабовладельческий Кентукки от свободного Огайо. Роман Гарриет Бичер-Стоу был опубликован в 1852 году и не остался незамеченным.

Если раньше каждый новый переезд был ступенькой вверх, то теперь они разом скатились со второго этажа в

подвал: вместо собственного дома Билл подселил свою большую семью к родной сестре Саре Энн, бывшей замужем за Уильямом Хамистоном, пообещав платить родственникам за постой 300 долларов в год. Семерым Хамистоном пришлось потесниться, чтобы приютить шестерых Рокфеллеров. И дело было вовсе не в финансовых затруднениях: Дьявол Билл давал деньги займы под большие проценты, имел три или четыре дорогих ружья и богатый гардероб, носил кольца с бриллиантами и золотые часы. Похоже, ему просто требовалось спрятаться. К тому времени он совершенно охладил к строительному бизнесу и прочим занятиям, требовавшим оседлого образа жизни, и окончательно заделался бродячим врачом, который «лечит травами». В первый год в Стронгсвилле семья видела своего главу только три или четыре раза, зато по городу вновь поползли слухи. Один из местных жителей, Джо Уэбстер, как-то поехал по делам в Ричфилд и был поражён, увидев в холле гостиницы, где он поселился, объявление: «Доктор Уильям Э. Рокфеллер, прославленный специалист по лечению рака. Всего один день! Излечивает все виды рака, если болезнь не зашла слишком далеко». Вскоре приехал в коляске и сам доктор Рокфеллер — в шёлковом цилиндре, чёрном фраке, с тёмно-рыжей бородой. Собравшимся вокруг него зевакам он предлагал пройти полный курс лечения от рака всего за 25 долларов; не имеющие столько денег могли приобрести бутылки со снадобьями подешевле. После этого «выступления» Уэбстер подошёл к Рокфеллеру; тот, ничуть не смутившись, заявил, что в последнее время «докторит» на большой территории вплоть до Айовы, где собирается купить землю. Разумеется, по возвращении домой Уэбстер всем рассказал о неожиданной встрече, и нового соседа теперь иронично именовали «док Рокфеллер».

Через год Элиза с детьми перебралась на небольшую ферму в окрестностях Стронгсвилла — к облегчению для всех. Ещё раньше, осенью, Большой Билл решил, что Джону и Уильяму надо продолжить образование, и отвёз их в Кливленд, в пансион миссис Вудин на Эри-стрит, за который они платили доллар в неделю. После Академии Овего учиться в старой школе на Клинтон-стрит было ещё одним унижением. К счастью, в 1854 году пятнадцатилетний Джон смог поступить в старшую школу, занимавшую скромное одноэтажное здание в тени деревьев, обнесённое белым забором. Эта школа пользовалась хорошей репутацией, и там учились и мальчики, и девочки.

В школе Джон познакомился с сёстрами Люси и Лорой Селестией Спелман и отдавал явное предпочтение второй, которую в семье звали Сетти. Как выяснилось впоследствии, Люси (Лют) была приёмной и на два года старше Лоры, но они были так похожи, что казались родными. Лора родилась 9 сентября 1839 года и провела детство в Акроне, в 56 километрах от Кливленда, где её отец торговал мануфактурой. Они жили небогато, но много внимания уделяли общественной работе: Харви Спелман, потомок пуритан, ратовал за развитие государственного образования и даже был избран в 1849 году в законодательный орган Огайо. А ещё он со своей женой Люси способствовал основанию в Акроне конгрегационалистской церкви и вёл упорную борьбу с пьянством. Кроме того, их дом был «станцией» на «подземной железной дороге»: через него прошло немало рабов, бежавших из Теннесси и Кентукки. На памяти Лоры её мать лишь единственный раз позволила себе нарушить запрет и работала в воскресенье — когда готовила еду для рабов, отправлявшихся в Канаду. В мае 1851 года в Акроне состоялась Конференция по правам женщин, на которой аболиционистка Соджорнер Трут (бывшая рабыня Изабелла Баумфри) произнесла знаменитую речь «Разве я не женщина?». Те несколько дней, пока продолжались заседания, она жила у Спелманов. В том же году Харви Спелман разорился во время банковской паники, и семья переехала в Кливленд. Там дела вроде бы пошли на лад, но призрак неудачи по-прежнему стоял за плечами.

Лора была невысокой, тоненькой, круглолицей, с тёмно-карими глазами и каштановыми волосами, которые разделяла прямым пробором и собирала сзади в узел, закрывая уши. Милая девушка обладала твёрдым характером и железной волей, а чувство юмора в ней сочеталось с даром убеждения и глубокой религиозностью. Она никогда не теряла самообладания, не проявляла интереса к пустым развлечениям вроде театра и танцев, зато интересовалась искусством и литературой и по три часа в день упражнялась в игре на пианино. Они с Джоном играли в четыре руки, да и вообще у них сложился неплохой дуэт.

Чтобы перейти в следующий класс, нужно было написать сочинения на четыре темы: «Образование», «Свобода», «Образ святого Патрика» и «Воспоминания о былом». По крайней мере первые две перекликались с актуальными событиями. 30 мая 1854 года конгресс США принял Закон Канзас—Небраска: население новообразованных терри-

торий должно было самостоятельно решить, принять ли там рабовладение или запретить. Ранее, по Миссурийскому компромиссу 1820 года, на территориях западнее реки Миссисипи и севернее 36°30' северной широты рабство было запрещено, поэтому новый закон вызвал в обществе ожесточённые споры (Канзас и Небраска находятся западнее Миссисипи). В сочинении «Свобода» Джон Рокфеллер называл «попранием законов нашей страны и законов Бога нашего, если человек держит своего ближнего в неволе». Жестокие хозяева заставляют своих рабов трудиться под палящим солнцем Юга. «Как может Америка называть себя свободной при таких условиях?» — возмутился подросток, который уже тогда жертвовал часть своих скудных сбережений благотворительным организациям, помогавшим чернокожим. Что же касается образования, то «в прежние времена, когда к учению допускались только монахи и священники, мир пребывал в застое, и только тогда, когда люди получили образование и начали думать самостоятельно, он двинулся вперёд». Похожие мысли звучат и в речи, подготовленной Сетти для выступления в старшем классе: «Мы не будем подчиняться и покорно позволять помыкать собой какому-либо человеку или партии, мы будем думать своей головой и, когда примем решение, будем всегда придерживаться его». Кроме того, она боролась за равноправие полов: «Дайте женщине образование, откройте перед ней пути в науку, позвольте математике и точному мышлению оказать влияние на её ум, и светским условностям не стоит беспокоиться по поводу того, где “её место”».

Свои сочинения Рокфеллер подписывал «Джон Д.», и это стало его школьным прозвищем. Было и другое — Дьякон. Джон был этим не обижен, а польщён. По воскресеньям миссис Вудин с дочерью Мартой и двумя юными постояльцами отправлялась в баптистскую миссионерскую церковь на Эри-стрит — небольшое белое здание с колокольней и высокими узкими окнами. Джон и Уильям посещали там уроки дьякона Александра Скеда — семидесятилетнего шотландца, цветочника по профессии и поэта в душе, знавшего Библию наизусть. Осенью 1854 года дьякон Скед погрузил Джона в крестильную купель, и тот стал полноправным членом церковной общины. Джон Д. не только присутствовал на службах (вечером в пятницу и дважды по воскресеньям), но и подметал пол в церкви, зажигал и тушил свечи, рассаживал прихожан, пел гимны звучным

баритоном, собирал пожертвования и сам преподавал в воскресной школе. Он был довольно привлекательным и, хотя одевался «бедненько, но чистенько», нравился девушкам, видевшим его в церкви. Поскольку основные светские развлечения были запрещены, оставались пикники для прихожан и невинные развлечения типа игры в жмурки. Девушки, позволявшие себя поймать, охотно продолжили бы общение с Джоном и за пределами церкви, но он был с ними любезен и учтив — не более того.

Его замкнутость и молчаливость не помешали ему завести друзей, одним из которых стал Марк Ханна, сын процветающего бакалейщика и биржевого брокера. Верно говорят, что противоположности сходятся. «Марк имел мужественный вид, всегда подвижный, участвовал во всех спортивных состязаниях, а Джон Рокфеллер был сдержанным, прилежным, хотя и всегда приятным в общении, — вспоминал позже Дарвин Джонс, составлявший с ними трио. — В любой возбуждающей ситуации Джон сохранял спокойствие и всегда улыбался». Некоторые учителя считали это ненормальным и видели в странном для юноши хладнокровии расчётливость и снобизм. А ещё он всех поражал способностями к математике, в особенности к устному счёту — годы ведения домашней бухгалтерии не прошли даром.

Математика в социальном аспекте была одной из тем ожесточённых споров, которые Джон и Уильям вели со своей квартирной хозяйкой и её дочерью. Обе женщины считали, что давать деньги в рост — просто свинство, а Рокфеллеры были с ними не согласны. Кстати, Джон иногда ссужал деньгами под проценты своего отца (возможно, тот сам поощрял сына к этому). К тому времени их отношения стали натянутыми, от бывшего восхищения не осталось и следа. В том же 1854 году Джон Д. явился к директору школы доктору Уайту и попросил помощи: ему надо подыскать временное жильё в Кливленде для своей «вдовой матери» и двух сестёр. Уайт предложил им поселиться у него, чему Джон был несказанно рад.

Однако муж «вдовы» снова возник из ниоткуда и перевёз своё семейство в дом на Перри-стрит, который снял за 200 долларов в год. Но не прошло и года, как они снова переехали — на ферму в десять акров на берегу ручья в Парме, в семи милях южнее Кливленда. Здесь на каждом шагу можно было встретить таверны и другие отнюдь не благочестивые заведения, и у Элизы появилась новая го-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru